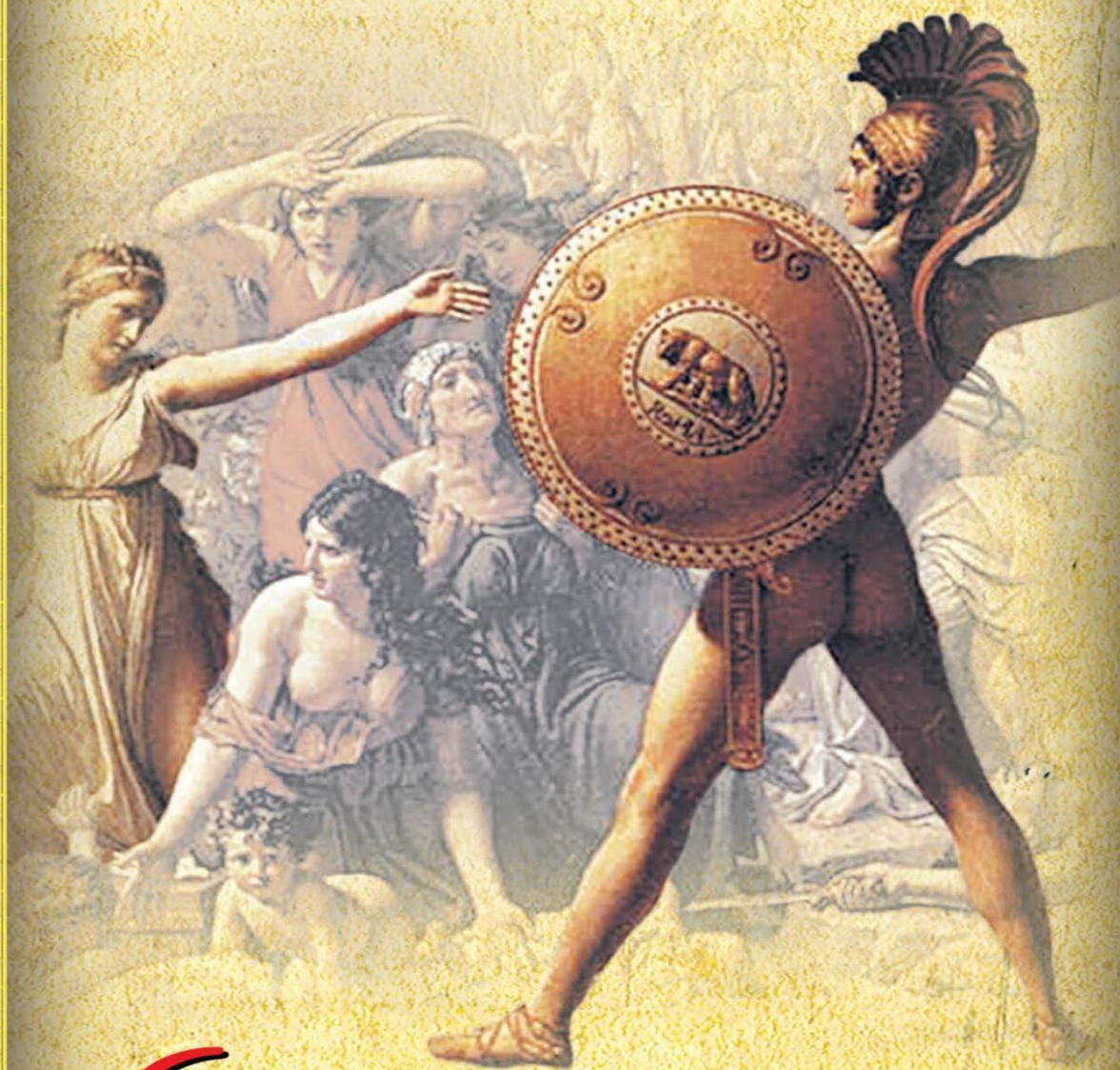

МАЙКЛ ВУД

Золото
ТРОИ

Весь мир

Майкл Вуд
Золото Трои

«Алисторус»

1985

УДК 82-94
ББК 63.3

Вуд М.

Золото Трои / М. Вуд — «Алисторус», 1985 — (Весь мир)

ISBN 978-5-00180-967-8

Уже не первый век поражают воображение человечества золотые сокровища Трои, найденные Шлиманом, знаменитым археологом, поверившим в греческие мифы и отправившимся на поиски древнего города, с десятилетней осадой которого началась европейская история. Из глубины тысячелетий дошли до нас легенды о Елене Прекрасной, могучем Ахилле, отважном Патрокле и других героях Троянской войны. Но существовал и ли в действительности эти необыкновенные люди? Соответствуют ли исторические события тому, что описано в мифах?.. Историк Майкл Вуд, исследовав комплекс археологических, литературных и исторических данных, предлагает свой взгляд на историю Троянской войны. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 82-94

ББК 63.3

ISBN 978-5-00180-967-8

© Вуд М., 1985

© Алисторус, 1985

Содержание

Предисловие	6
Пролог	10
Глава 1	15
Поэма Гомера	15
История или выдумка? Точка зрения древних	21
«Паломники» древнего мира	24
Как передавалась легенда – от саксонских преданий и тюдоровского мифа до поэтов времен Первой мировой войны	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Майкл Вуд Золото Трои

© Вуд М., 2023

© Шарапов В., перев., 2023

© ООО «Издательство Родина», 2023

*Неважно, сколько столетий отделяют нас от времен
минувших. Значение имеет лишь важность прошлого для нашего
интеллектуального и духовного существования.*

*Эрнст Курциус, речь в память Генриха Шлимана
Берлин, 1 марта 1891 г.*

Предисловие

Прошло 135 лет с того дня, как Генрих Шлиман впервые воткнул лопату в легендарный холм, находящийся неподалеку от деревни Гиссарлык на северо-западе Турции, а величайшая археологическая загадка по-прежнему привлекает внимание. Недавно весьма драматично вернулись «сокровища Елены». Считалось, что они утрачены при разграблении Берлина в 1945 г. Как мы знаем теперь, сокровища (которые Шлиман связывал с Еленой Троянской), хранившиеся в бетонном бомбоубежище «Флактурм» на территории городского зоопарка, были тайно вывезены Советской армией. В Москве оказалось золото, а в Санкт-Петербурге – бронзовые изделия, на которых еще видны следы налипшей земли древней Трои, и они вновь завладели вниманием публики.¹

Нас, возможно, ждут еще более волнующие открытия в самом Илионе. После более чем полувекового перерыва там возобновляются раскопки и появляются новые свидетельства, подтверждающие, что Гиссарлыкский холм, называемый нами Троей, действительно то место, где стоял город из греческого эпоса «Илиада», город Приама и Гектора.

¹ Книга впервые была опубликована в 1985 году. – *Ред.*

Генрих Шлиман (1822–1890).
Фото из «Автобиографии» 1892 года издания

В первом издании этой книги рассказывалась история трех великих раскопок на месте Трои, проведенных Шлиманом, Вильгельмом Дёрпфельдом и Карлом Блегеном. Каждый из них заявлял, что нашел ответ на загадку Троянской войны, хотя все они находили свидетельства разных войн. Ни одна из разгадок не стала общепринятой. Летом 1938 г. участники экспе-

диции из Цинциннати, возглавляемой Карлом Блегеном, зарыли свои траншеи на Гиссарлыке. Они признавали, что на многие вопросы нет ответа, в частности, из-за ущерба, нанесенного ранними работами Шлимана, и ввиду ограниченных возможностей археологической техники того времени. Подобно большинству специалистов, Блеген пришел к выводу, что на столь выбранной площадке уже трудно ожидать новых открытий. Поэтому на протяжении длительного времени казалось, что его отчет останется последним словом в археологической истории Трои. Однако в 1988 г. было объявлено о планах крупных двадцатилетних раскопок на месте цитадели и нижнего города, где, как подозревали многие, под более поздним римским городом могло находиться большое поселение бронзового века. Хорошо финансируемый правительством США и немецкой компанией «Даймлер-Бенц» Манфред Корфман, возглавляющий интернациональную команду из Тюбингенского университета, использует самые современные научные методы археологической разведки и раскопок для изучения культурной и природной истории региона. Можно смело сказать, что, похоже, получены ответы на большинство вопросов, связанных с Троей. Полученные результаты обобщены в заключительной главе.

Так как же обстоят дела с историей Трои и Троянской войны? Повторим вывод первого издания этой книги. Гиссарлыкский холм – это место, где стоял город, впоследствии разграбленный греками в Век героев. В бронзовом веке Гиссарлык, возможно, являлся столицей одного из мощных государств западной Анатолии (Эгейской Турции). Это известно из дипломатической переписки на глиняных табличках, найденных в большом количестве в Турции. Троя входила в состав Хеттского царства, одного из самых могущественных государств того времени на Ближнем Востоке, и была причиной вражды между греками и хеттами в середине XIII в. до н. э. Кроме того, я доказывал, что больше нельзя придерживаться общепринятого датирования Троянской войны, предложенного Карлом Блегеном, и что разрушение Трои следует отнести к более раннему периоду XIII в. до н. э. (около 1275–1260 гг.), когда греческая микенская культура находилась на самом подъеме и хетты во что бы то ни стало стремились удержать свое ненадежное владычество в западной Анатолии. Это и явилось истинной причиной Троянской войны, что можно доказать первоисточниками – дипломатическими архивами Хеттского царства, содержащими свидетельства сношений хеттов с могущественным «Великим царем» ахейского государства, которого можно отождествить с греческим материковым царем царей, каким описывается в легендах Агамемнон. То есть основные факты повествования Гомера – город, расположение Дарданелл, греческая экспедиция, война – правдивы.

Спустя 20 лет и с чувством облегчения я могу сказать, что логические заключения первого издания этой книги не были опровергнуты новыми открытиями. В то время среди многих ученых существовало неприятие идеи того, что эпос имеет реальную связь с историческими событиями XIII в. до н. э. Было широко распространено мнение, что Троянская война – просто миф, не имеющий никакой связи с историей. Когда вышло в свет первое издание книги, для меня было честью оказаться объектом энергичной атаки главы троянских скептиков, ныне покойного сэра Мозеса Финли. С другой стороны, Дональд Истон посвятил этому вопросу несколько страниц в периодическом издании «Antiquity» и склонился в пользу моих заключений. С тех пор новые археологические открытия, дипломатическая переписка и достижения лингвистики продолжают подкреплять теорию историчности Троянской войны, и они уже дали новые важные сведения о городе у Дарданелл, являющимся по-прежнему самым выдающимся доисторическим местом во всей западной Анатолии. Сейчас исторические основы сказания о Трое представляются более прочными, чем когда-либо за все 135 лет ее исследования.

В новом издании «Трои» я добавил заключительную главу, обобщающую последние открытия, уделив особое внимание раскопкам, ведущимся на Гиссарлыке. Кроме того, я обновил библиографию. Приношу свою благодарность д-ру Элизабет Френч за ее неиссякаемую щедрость в ответах на мои запросы и за разрешение опубликовать письмо Карла Блегена сво-

ему отцу, Алану Уэйсу. Благодарю профессора Манфреда Корфмана за дополнительные сведения и поправки в отношении его находок в Бешик-тепе и в самой Трое.

Пролог

Автомобильный паром через «быстротекущий Геллеспонт» описывает огромную дугу вверх по течению, так силен поток воды, мчащейся по Дарданеллам. Бирюзовые волны бьются о борт парома, а ветер разбивает их на тысячи сверкающих брызг. В этой теснине, где лорд Байрон переплывал пролив, а Ксеркс строил понтонный мост, расстояние между берегами меньше мили. Позади нас остался полуостров Галлиполи и воспоминания о войне, которая была много позже. Впереди азиатский берег, минареты Чанаккале. Здесь с доисторических времен переправлялись армии, купцы и переселявшиеся народы. И здесь лежит путь к Трою.

Путь к Трою! Есть ли другое название, пробудившее столько чувств у множества людей? В историях, рассказанных и записанных за время существования человечества, есть ли столь прославленное место?

От булыжных мостовых Чанаккале современное асфальтированное шоссе идет вдоль прибрежной полосы на юг, мимо того места, где стоял древний Дардан. Теперь это просто невзрачный гребень над морем, усыпанный черепками. По правую сторону к берегу сбегает сосновые леса, слева – череда невысоких холмов. Видны корабли, идущие вверх по течению к Черному морю или вниз, к Средиземному, – греческий торговый корабль, русский крейсер и крошечные рыбацкие лодки, собравшиеся на лов скумбрии и тунца – так же, как они собирались и в бронзовом веке. Примерно через 10 миль дорога уходит от берега и спускается от Эренкоя (Интепе) в плодородную равнину, покрытую полями хлопка, подсолнечника, крупночешуйчатого дуба и пшеницы. Мы видим пастбища, белые тополя и ивы по берегам речек и ирригационных каналов, верблюдов с выюками табака и с притороченными поверх ярких попон древнего вида кувшинами. Это долина Дюмрека, древнего Симоиса. Впереди простирается длинная лесистая гряда, возвышающаяся примерно на 100 футов над равниной. Дорога круто взбирается на нее, и на вершине стоит знак, указывающий, что справа «Truva» – Троя.

Мы сворачиваем на узкую проселочную дорогу и едем вдоль гряды на запад, к морю. Если на развилке свернуть налево, то попадешь в деревню Чиплак: грязные закоулки, деревянные анатолийские дома с выступающими верхними этажами и осыпающейся штукатуркой, обнажающей дранку. На дороге коровы, мальчонка загоняет их во двор длинным прутом. Гогочут гуси. Именно здесь сначала жил Генрих Шлиман, приступивший в 1870 г. к раскопкам. Тогда это была деревня «диких» турок, появившаяся, вероятно, в XV или XVI в., когда в близлежащем Новом Илионе окончательно замерла жизнь. В 1816 г. путешественники вспоминали, что деревня была построена на развалинах города, и действительно, Шлиман пишет, что в 1873 г. новую мечеть с минаретом строили из камней, взятых из его раскопок. Дальше, дальше – минуем деревню Тевфикийе с сувенирными лавками и фальшивым «домом Шлимана». Весь материал для постройки деревни также добыт из шлимановского котлована. К западу от Тевфикийе засеянные поля усыпаны камнями, черепками и обломками мрамора с розовыми прожилками. На этом плато находился античный город Новый Илион, «Новая Троя», просуществовавший с 700 г. до н. э. до 500 г. н. э. В давние времена считалось, что он стоял на месте города, разграбленного в Троянскую войну. Дует яростный ветер, вздымая столбы пыли и сгибая ветви дубов, растущих вокруг места раскопок. За деревьями высится деревянный конь, поставленный для туристической забавы – сфотографироваться на фоне «свирепого зверя аргиевян», из коего чрева вышли ночью могучие греческие герои, дабы «нализаться крови принцев». И этот ветер! Холодный, сильный – разве не сказал Гомер, что Троя была «ветристой»?

Идем вокруг музейного раскопа, по просеке между сосен, через аккуратный садик с рядами урн, желобчатых барабанов колонн и постаментов с надписями, высеченными прописными буквами, – отрывочными фразами о чувствах, объединявших античный мир: «Меле-

агр приветствует консула и народ Илиона... побуждаемый его благоговением перед храмом и его чувством дружбы к вашему городу...» (Определение понятия «цивилизация» – «жизнь в городе». Римлянин Сенека писал: «Спросите меня об истинном образе человеческого бытия, и я покажу вам разграбление большого города»).

Вот и сама археологическая площадка, холм под названием Гиссарлык. На севере и на западе земля резко уходит вниз, к яркой зелени равнины, – город стоял на возвышенности, и если не «нависал», как писал Гомер, то, во всяком случае, возвышался над равниной. На юго-западе, позади Сигейонской гряды, отчетливо виден небольшой островок Тенедос, где, по словам Гомера, стояли греки на протяжении долгих 10 лет осады. На северо-западе в ясную безоблачную погоду (что здесь нечасто) у горизонта можно разглядеть Эгейское море и уходящий вдаль выступ. Это остров Имброс, а над ним гора, называемая Фенгари Самофракийская, стоит примерно в 50 милях отсюда. Именно с Фенгари, «лесистой вершины Фракийского Самоса», бог Посейдон наблюдал за Троянской войной. Так описал ее в 1810 г. путешественник Эдвард Кларк:

...препятствуя любым попыткам ее изобразить, она поднимается с поразительным величием. И когда ее эфирная вершина неописуемо ярко блистает в безоблачном небе, кажется, несмотря на ее удаленное расположение, что громада горы подавит всю Трою, если землетрясение сдвинет ее с основания.

У наших ног Троя. Если вы ожидали большего, чего-то напоминающего «высокие безмерно башни Илиона», быть может, средневековый замок или циклопические стены Греции, вы будете разочарованы. Площадка невелика, 200 на 150 ярдов. Перед нами превосходно выстроенные стены, а за ними – лабиринт из груд камней от строений разных веков, путаница канав и рвов, заполненных булыжником и поросших кустами.

Руины расположены на нескольких уровнях, здесь не единственная Троя. И добавляются трудности: как различить различные фазы Трои, как увидеть, где совмещаются сохранившиеся остатки. Цельной картины нет. Для начала скажем, что большая часть древнего поселения утрачена: античные строители, возводя новый центр, сровняли холм, уничтожив большую часть предыдущих городов. Археологи завершили эту работу. В силу необходимости археология ликвидирует то, что исследует, ибо, выявляя факты, извлекает из земли их свидетельства. Потому лишь несколько зазубренных башенок дают представление о высоте холма до начала раскопок в 1870 г. Раскопки проводили: Генрих Шлиман – шесть кампаний между 1870 и 1890 гг.; Вильгельм Дёрпфельд – в 1893 и 1894 гг. и американец Карл Блеген – между 1932 и 1938 гг. Эти башенки да небольшой нетронутый участок на южной стороне – все, что осталось для будущих поколений, реши они проверить работу своих предшественников.

Из цитадели вряд ли уже появятся новые свидетельства. Большая часть, к сожалению, была уничтожена раньше, чем начали применять методы, позволяющие распознавать уровни сложного строения и точного датирования стилией гончарных изделий.

Наше видение Трои – плод кропотливого труда Шлимана, Дёрпфельда и Блегена и их интерпретации результатов раскопок. Выкрашенные в желтый цвет знаки с номерами «Троя I–IX», обозначающие девять основных фаз существования города с 3000 г. до н. э. до падения Римской империи, – также итог их работы. Значение данного археологического объекта столь велико, что, если бы и не существовало легенды о Трое, все равно он стал бы ключевым в изучении Средиземноморья.

Следует помнить, что Троя (если этот город и в самом деле носил такое имя) была царской цитаделью, то есть домом для царских семей и их слуг, служившим убежищем для нескольких сотен человек и, возможно, еще около тысячи живших вокруг. Да, в пору расцвета этот небольшой холм всего лишь был обнесенным стеной дворцом. Это позже станет он

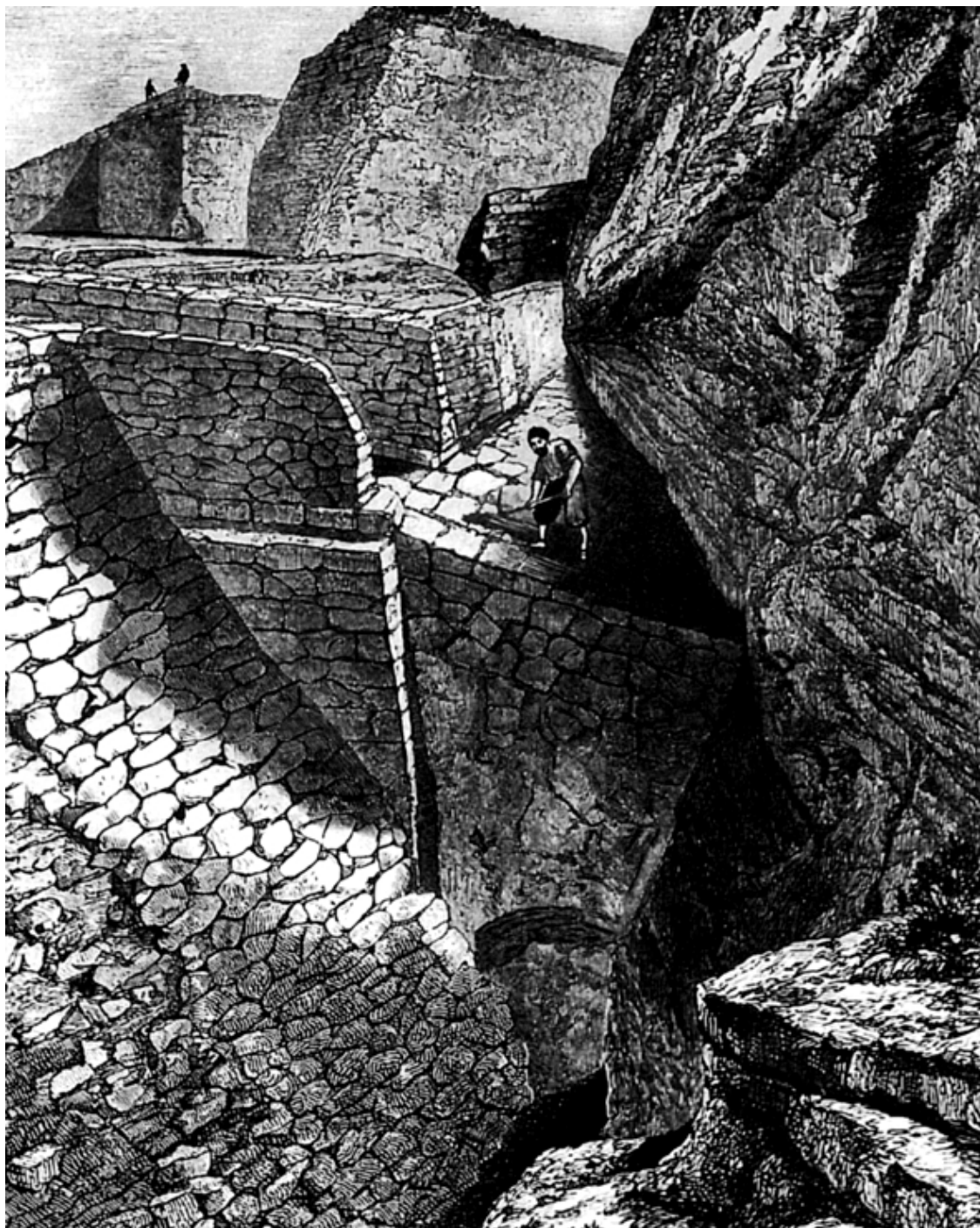
акрополем античного Нового Илиона, маленького провинциального городка «в углу» Римской империи. И никогда он не был процветающим городом. Театр вмещал всего 6000 зрителей, а население можно установить довольно точно по надписи (III или II вв. до н. э.), гласящей, что на одном из городских празднеств накормлено 3000 человек.

Обозначения Троя I–IX разбиты на 47 промежуточных фаз. Эти слои человеческой жизни формировались постоянными перестройками, все еще практикуемыми в Анатолии (появление современной нам мебели оказалось столь разрушительным, что глинобитные полы приходится перекладывать через пару лет), сносом (обычная судьба городов древнего Средиземноморья), землетрясениями и просто тем, что жители покидали город. Выжившие в катастрофах или вновь пришедшие строили город поверх старого, заравнивая его остатки, скрывая мусор, пищевые отбросы, кости, золу под свежим слоем земли, возводя стены из кирпича-сырца. Все начиналось сначала. Гиссарлыкский холм расширялся, рос, набрав 50 футов наслоений. Для сравнения: Лондон за свои 1900 лет поднялся на 20 футов, в которых современные археологи распознали не только общую историю его развития, но и важнейшие события – например, разграбление Лондона в 61 г. во время восстания Боудики, великие пожары 764, 1077 и 1666 гг., бомбежки в 1940 г. и т. д.

Курганы, подобные Троянскому, – наглядный пример человеческой истории: начало и конец новых рас и цивилизаций, разрушений и восстановлений, доказывающих упорную жизнестойкость человека.

Сегодня посетитель может пройти над великими стенами города – современника микенской эпохи в Греции, раскопанного Дёрпфельдом в 1893–1894 гг., чей насильственный конец он принял за гибель гомеровской Трои. Тут же стены и театр римского Илиона (Троя IX), города, знавшего христианских апостолов. Если идти вверх по улице от главных ворот, то видны остатки лачуг Трои VIIa и следы огня, уничтожившего их (которые Блеген посчитал отметинами разграбления гомеровской Трои). От верхней части улицы можно пройти над стенами Трои II (2500 г. до н. э.), постоять у наклонного съезда, где в 1873 г. под слоем пепла Шлиман нашел вызывающие многочисленные споры «сокровища Елены». Пожар он приписал ко времени разграбления Трои. Так, за две-три минуты вы сможете пройти от времен микенских царей до времен Иисуса, от времен Александра Македонского до времен строительства Великих пирамид. Здесь разные Трои и разные войны.

Стоя в жуткой заброшенной траншее с отвесными краями, которую Шлиман прокопал по северной части холма, возле разбитых стен, посетителю трудно вызвать в памяти эпические строки. Неужели это то самое место, которое воспел древний поэт? Если да, то оно было «раскопано мотыгой Зевса», как говорит Эсхил в «Агамемноне», истреблено «гибельным вихрем» – город, «стертый в пыль».

Вид троянских раскопок Шлимана. Гравюра XIX века

И все же это Троя, память о которой переживет последние следы ее физического существования. При ознакомлении с археологическими находками она предстает просто небольшим средиземноморским городком, одним из тысяч центров, объединявших людей, которые жили здесь, начиная с каменного века, и живут по сей день. Город, символизирующий *все* города. В западной культуре, в языках и памяти тех, кого мы называем индоевропейской расой, Троя, пожалуй, наиболее знаменита. И все из-за истории ее осады и разрушения, смерти ее героев, включая Гектора от руки Агамемнона, Ахилла и ахейских греков – ради Елены, «лица, что отправило в путь тысячи кораблей». Это сказание лежит в основании западной культуры. От Гомера до Вергилия, Чосера и Шекспира, Берлиоза, Йитса и других; оно уже стало метафоричным. Троянский конь, ахиллесова пята, одиссея – риторические фигуры многих языков.

«Работает, как троянец», – по-прежнему говорят про заслуживающего похвалы. От Ксеркса и Александра Македонского до Мехмета Турецкого Троя была политическим и расовым примером для подражания, корнями, как считал Геродот, «антагонизма между Европой и Азией». Это предание столь универсально, что использовалось французскими драматургами во избежание цензуры при передаче посланий в оккупированном фашистами Париже. Не мог мимо этого мотива пройти и Голливуд, выпустивший фильмы «Одиссей» и «Елена Троянская». Забавно тема высмеяна на телевидении в «невмешательстве» «Звездного пути» (где капитан Кирк с сожалением оставляет троянцев на произвол судьбы) и во «вмешательстве» «Доктора Кто» (где добрый доктор, не испытывающий подобных сомнений, оказывается одним из тех, кто подбирает грекам идею построить деревянного коня!).

Итак: «В Трое, вот где сцена», – говорил Шекспир. Непреходящая притягательность сказаний об Ахилле, Гекторе, Елене более трех тысячелетий вела паломников в Троаду, окрестности Трои. Однако была ли в действительности Троянская война? Если да, то где стояла Троя? На том ли месте, которое мы так называем сегодня? Кем были гомеровские ахейцы и троянцы и почему они сражались друг с другом? Существовала ли Елена Прекрасная? И существовал ли на самом деле деревянный конь? Кроме того, почему это место так усердно и так долго искали? Откуда одержимость этой историей? И как Шлиман, Дёрпфельд и остальные приходили к тем выводам, которые они делали? В название книги вынесено слово «поиски», потому что я начал ее писать, не имея ответов на такие вопросы, считая всю эту историю мифом, а вовсе не предметом для серьезного исторического исследования. Но я был убежден, что поиски сами по себе – стоящее дело, и если предстоит долгий путь, как писал Константинос Кавафис в поэме «Итака», он будет «полон приключений и учения». Надеюсь, эти приключения и учение не оставят читателя равнодушным.

Глава 1

Поиски Трои

От истинной и славной Трои в веках не осталось следов: не осталось и камня, чтобы удостовериться, где она стояла. Ее искали без особых успехов еще со времен Страбона. И Лукан, упоминая, что ее тщетно искали еще во времена Юлия Цезаря, заключает свой рассказ меланхоличным наблюдением о судьбе этого прославленного города: «даже руины его были уничтожены».

Роберт Вуд. «Эссе о подлинном гении и творениях Гомера» (1769)

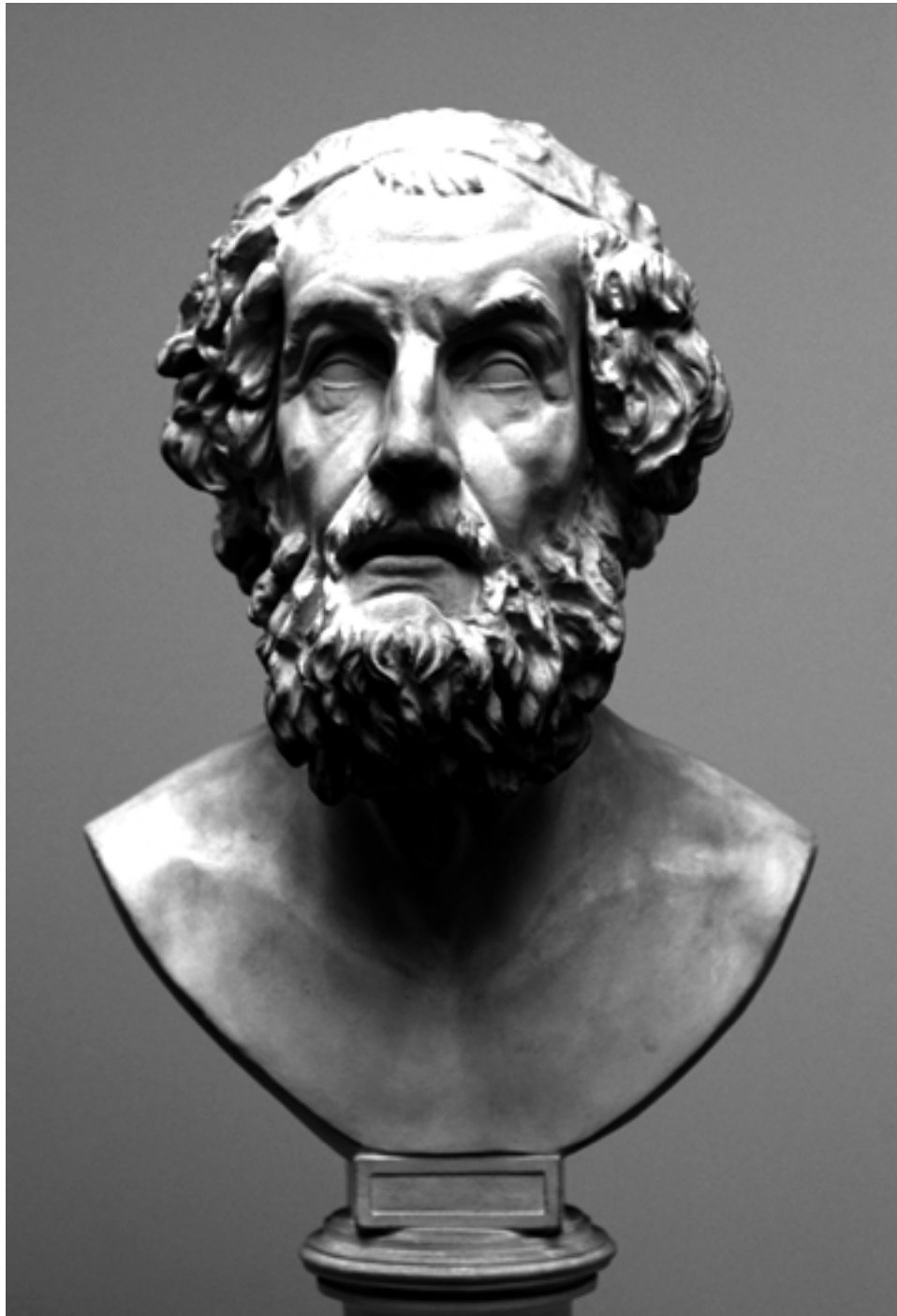
Поэма Гомера

Начнем со сказания. Отправной его точкой является Гомер, его «Илиада» и «Одиссея». Однако необходимо пояснить, что и он использовал обширный цикл повествований, имевших отношение к Троянской войне. В «Илиаде» на самом деле описывается только один эпизод, занимающий несколько недель последнего, десятого, года войны. В античные времена существовали произведения, ныне утерянные или сохранившиеся в отрывках, рассказывающие о событиях, игнорируемых созданными раньше гомеровскими поэмами. Некоторые, как, например, известные под названиями «Киприя» и «Взятие Илиона», отличались большим размахом и мощью и были составлены вскоре после Гомера. Если Гомер жил в конце VIII в. до н. э., то его последователи трудились, вероятно, около 700 г. до н. э. или чуть позже, когда сочинительство стало в Греции весьма распространенным делом. Из дошедших до нас отрывков видно, что они, подобно Гомеру, в большой степени использовали старые устные предания.

Согласно греческим преданиям, Троя стояла вблизи Дарданелл. О ее общем местоположении никогда не возникало споров. Все топографические ориентиры хорошо знакомы: Дарданеллы, острова Имброс, Самофракия и маленький Тенедос, гора Ида на юго-востоке, сама равнина и река Скамандр, которая течет у подножия Иды. То был древний город, жители его известны как тевкры или дарданцы (по именам легендарных родоначальников), а также троянцы либо илионцы. Согласно легендам, так они назывались по именам героев – Троса и его дяди Ила, но другие источники сообщают, что первоначально Троя и Илион – два отдельных поселения (и действительно, упорное использование Гомером двух названий никогда не было удовлетворительно объяснено). Ил был отцом Лаомедонта, важной фигуры в легендах о Трое, потому что именно он построил несокрушимые стены, упоминаемые в предании. В этом ему помогали боги Аполлон и Посейдон, но он попытался надуть их при расплате, что и привело к первому падению Трои. Лаомедонт не отдал бессмертных снежно-белых коней Гераклу (Геркулесу) за помощь в уничтожении морского чудовища, насланного Посейдоном. Геракл набрал на Пелопоннесе небольшую армию – по Гомеру, всего шесть кораблей, – подплыл к Троаде и напал на город, проломив стену в самом слабом месте, там, где богам помогал смертный герой Эак. Во время разграбления города Лаомедонта и его сыновей убили. В живых остался только самый младший, Подарк, поскольку только он считал, что следует отдать Гераклу причитающееся вознаграждение. Подарк был освобожден и получил новое имя – Приам, означающее «выкупленный», – пророческое в действительности имя. Геракл поставил Приама царем, а Троя была восстановлена внутри тех же стен.

За время своего долгого и успешного царствования, охватившего три поколения, Приам вознес Трою до былого могущества. У него было 50 сыновей и 20 дочерей. Старший сын –

великий воин Гектор, следующий – Парис (носивший также имя Александр), и именно ему роковым образом суждено было стать источником всех бед.

Бюст Гомера в Музее классической скульптуры
(Мюнхен, Германия)

Для древних Троя была реальным местом, и в гомеровском эпосе существует множество указаний на то, как она выглядела при правлении Приама. Большинство эпитетов у Гомера чисто поэтические, и их нельзя принимать всерьез, но отдельные следует запомнить. Гомеровская Троя «крепкостенная», это «обширный город», «высоковоротный», с «высокими башнями» и «широкими стогнами [улицами]». Некоторые эпитеты относятся только к Илиону: «святой», «священный», «крутой», «высокий», «красивый», но «ветристый». Подобно Трое,

он «хорошо построен», «конями богатый» – народ Трои Гомер называет «конеборцами» или «имеющими отличных жеребят». Только о них так сказал Гомер. Может, коневодство было их характерной чертой, и предание это сохранило? Что же касается планировки города, то Гомер описывает большой, с прочными стенами, достаточно обширный город. В верхней части акрополя возвышался дворец Приама с парадными и тронными залами, пятьюдесятью мраморными палатами для его сыновей и отдельными царскими залами Гектора и Париса. По рассказам Гомера, была в городе агора, где собирались горожане, «Пергам» Приама, храм Афины в верхнем городе и храм Аполлона в цитадели. Очевидно, имелось, по меньшей мере, четверо ворот, включая Скейские и Дарданские, и у одних стояла «великая башня Илиона». Конечно, к описаниям нельзя относиться чересчур серьезно, перед нами предстает сказочный город, нарисованный воображением (поскольку в реальности он плохо вяжется с раскопанными поселениями гомеровской эпохи). Он куда грандиозней, чем появившаяся позже эолийская колония Илион времен Гомера, имеющая 200 ярдов в поперечнике. Даже крупный ионийский город VIII в. до н. э. Смирна имел всего 300 на 150 ярдов. Троя Гомера явно имела акрополь больших размеров и нижний, окруженный стеной, город с населением в несколько тысяч человек.²

В материковой Греции ко времени старости Приама самым могущественным царем был Агамемнон, правивший в Микенах. В те времена обитатели Греции называли себя не греками или эллинами, а ахейцами, данайцами или аргивянами. Род Агамемнона происходил из Лидии – западной части Малой Азии (современная Турция). Сочетавшись браками с Персеидской династией в Микенах, они контролировали Арголиду с ее главными крепостями в Тиринфе и Мидее. Во многом благодаря выгодным династическим бракам их влияние распространилось на всю Южную Грецию. Сам Агамемнон был женат на Клитемнестре, дочери Тиндарея из Спарты и сестре Елены, считавшейся самой красивой женщиной. Когда Елена достигла брачного возраста, множество женихов Греции искали ее руки, но она предпочла брата Агамемнона, Менелая, ставшего царем Лаконии. Братья обрели огромное могущество в Южной Греции.

В вопросе, *почему* началась Троянская война, легенды и Гомер не совпадают, но знаменитый миф повествует, *как* она началась. Эрида – богиня раздора – подбросила на свадьбе Пелея и Фетиды золотое яблоко с надписью «Прекраснейшей». Зевс, царь богов, отказался быть судьей в разгоревшемся споре между его женой Герой, богиней мудрости Афиной и Афродитой, богиней любви. Гермес привел богинь на склон троянской горы Иды, где сын Приама, Парис, должен был решить, кто из них прекраснейшая. Гера обещала ему владычество над всей Азией и несметные богатства, Афина – военную славу и великую мудрость, а Афродита – самую прекрасную из смертных женщин Елену Спартанскую. Так что Парис немедленно отдал яблоко именно ей.

Гомер не задерживался на суде Париса, столь излюбленной теме последующих произведений искусств. Его рассказ прост и реалистичен. Парис отправляется с визитом в Спарту, где в его честь Менелай устраивает пир в своем богато украшенном дворце в Амиклах. На десятый день празднований Менелай был вынужден отплыть на Крит, повидать Идоменея, царя Кносса. Как и обещала Афродита, Елена, пленившись красотой и нежными речами Париса, сбежала с ним. Существуют и другие версии легенды: Парис похитил Елену силой, и похищение было в действительности результатом рейда троянцев на Лаконию с целью захвата сокровищ и женщин (и Гомер соглашается, что Елена пропала вместе с дворцовыми сокровищами). Еще одна версия – были захвачены и другие царские женщины и рабы, а Парис учинил попросту грабеж на Эгейских островах, прежде чем вернуться в Трою.

² В русском переводе Н. Гнедича большинство эпитетов прилагается как раз к Трое. Вообще, в отличие от английского, для русского перевода характерно применение по отношению к Трое (городу?) конкретных эпитетов (высокоотвердынная, ветристая и т. п.), а к Илиону (местности? государству?) – общих (святой, священный и т. п.). – Прим. перев.

Когда плохие вести достигли Менелая на Крите, он поспешил в Микены и предложил своему брату Агамемнону повести армию на Трою для отмщения. Царь согласился, хотя и отправил в Трою послов с требованием возвращения Елены и компенсации. Послы вернулись с пустыми руками. Менелай и его союзник, старый царь Пилоса, Нестор, отправились уговаривать независимых греческих царей присоединиться к экспедиции. Ахейская армия собралась в Авлиде, в защищенном от стихий заливе между островом Эвбея и материком, «где приливы приходят вместе» (что они делают и сейчас). Главными воинами-героями легенды были Ахилл, Одиссей (Улисс) и Аякс, но их царства были невелики; основные силы пришли с Пелопоннеса (Пилос, Спарта, Тиринф и Микены) и Крита (Кносс). В гомеровской «Илиаде» сохранился удивительный перечень из 164 мест Греции, откуда, как сказано, были посланы войска под Трою. Поскольку Агамемнон считался сильнейшим греческим царем, он и стал предводителем.

В Авлиде оракул предсказал падение Трои на десятый год. Греки отплыли к Малой Азии и по ошибке напали на Тевфранию в Мизии, напротив Лесбоса, опустошив окрестности, – они приняли эти места за Троянскую территорию. После битвы на равнине возле устья реки Каик войска Агамемнона отбросили к кораблям, где Телеф, царь Мизии, обратил их «в позорное бегство». Греки вернулись к родным берегам. Из преданий не ясно, сколько прошло времени между этим неудавшимся походом и вторым, знаменитым, хотя существует мнение, что восемь лет. Легенда не настаивает на том, что все долгие десять лет греки провели под стенами Трои.

Собравшись вновь в Авлиде, греки не могли отплыть из-за встречного ветра. Эсхил сообщает в «Агамемноне»: «Ветры, что дули от Стримона, принесли отсрочку, голод, дурную стоянку в порту, безумие людей, гниение кораблей и снастей... губили лучших из аргивян». Наконец вещий прорицатель Калхас объявил: все неудачи оттого, что Агамемнон нанес обиду богине Артемиде, и не смогут отплыть корабли, пока не принесет Агамемнон в жертву свою дочь, дабы умиловить богиню. Хотя более позднее предание гласит, что Ифигения (или Ифианасса, как называет ее Гомер) спаслась, ранние источники настаивают на том, что жертвоприношение состоялось.

Ветер переменился, и флот вышел в море. Греки высадились на острове Лесбос, потом на Тенедосе, видном из Трои и которым правила династия, связанная родственными узами с троянцами. Греки опустошили и ограбили остров. Вытащив корабли на берег в широком заливе между двух мысов, устроили лагерь, защищенный с суши стеной из земли, бревен и камней. В нем, согласно Гомеру, они провели все годы войны. Союзники в различных областях Малой Азии и Фракии имелись и у троянцев. Так что борьба шла с переменным успехом. Обе стороны использовали в битвах колесницы, но сражались также и врукопашную, вооруженные бронзовыми мечами и копьями, под защитой щитов и бронзовых доспехов. Некоторые фрагменты повествования позволяют предположить, что Троя была не единственной целью греков. Ахилл, например, совершил набег с большим отрядом в южном направлении, разграбив несколько городов на материке и на островах Лесбос, Скирос и Тенедос. По Гомеру, он вернулся не только с награбленным добром, но и с «женщинами-мастерицами», часть которых отдал Агамемнону, но самую красивую оставил себе. Аякс также занимался грабежами в Тевфрании, забирал женщин, скот, драгоценности, а захваченную царскую дочь сделал своей наложницей.

На десятый год войны (на который было предсказано падение Трои) греки, прекратив набеги на Малую Азию, всерьез перешли к осаде Трои. Троянцы получили подкрепление союзников из юго-западной Анатолии. Великий троянский воин Гектор пал в схватке с Ахиллом, одним из величайших греческих воинов (это событие и является сюжетом гомеровской «Илиады»). Сошлись герои в поединке после смерти любимого друга Ахилла, Патрокла, мстя за которого, Ахилл принес в жертву на его погребальном костре двенадцать знатных троянских пленников. Конец был близок, но не конец страданиям греков, «несчастья стократные пали на ахейцев, брошенных во множестве в царство Аида», – пел Гомер. После смерти союзника тро-

янцев, Мемнона, в битве у Скейских ворот Парис поразил Ахилла выстрелом из лука в пятую – единственное уязвимое место (до сих пор мы говорим: «ахиллесова пята»). Могучий греческий герой был сожжен, а его пепел захоронен на мысе, возвышающемся над Геллеспонтом. Худшее было еще впереди. Доведенный до безумия, Аякс совершил самоубийство «серебровоздным» мечом, полученным от Гектора в знак уважения. Сын Приама, несчастный Парис, был убит Филоктетом, однако троянцы отказывались выдать Елену. Тогда был задуман план постройки огромного деревянного коня, в котором спрятались бы вооруженные греки, среди них хитроумный Одиссей с Итаки и сам Менелай. Конь должен был остаться в качестве дара Афине. Греки же сожгли свой лагерь и вышли на кораблях в море, то есть якобы признали свое поражение, и недалеко от острова Тенедос ждали условного знака – костра.

На рассвете троянцы, обнаружив пепел на месте лагеря и удивительного коня, с ликованием потащили его в город. Ночью, после обильного празднования, они крепко спали, а греческий флот скрытно вернулся к берегу. «Была полночь, – говорится в отрывке из эпоса, известном как «Малая Илиада», – и поднялась полная луна». Герои вышли из коня, перебили стражу и открыли ворота Трои. Греки хлынули на улицы, врываясь в дома и убивая жителей, не щадя никого из мужского пола. Они продвинулись вверх до Пергама, дворца на вершине холма, и там Неоптолем, юный сын Ахилла, убил старого Приама на пороге его дома. Погиб Приам, чья жизнь объела четыре поколения, начиная с разграбления Геракла, ставший свидетелем гибели всех своих сыновей. Жеифоб, женившийся на Елене после смерти Париса, был убит Менелаем. Что касается самой Елены, причины и цели похода, то Арктин Милетский, автор «Киприи», рассказывает в своем «Взятии Илиона», что Менелай был намерен убить и ее, но вновь потрясенный ее красотой, отбросил меч. Мальчики, дети троянских героев, были убиты (маленького сына Гектора, Астианакса, сбросили со стены), женщины взяты в рабство и увезены в Грецию – кто чтоб стать наложницами, кто – чесать лен или носить воду.

Войско Агамемнона ограбило и сожгло Трои, сровняло с землей ее стены. Как писал Эсхил: «Мертвый пепел разнес по воздуху жирный запах богатства». В довершение дочь Приама Поликсена была принесена в жертву на могиле Ахилла. Династия Приама закончилась. Поделив добычу и женщин, греки покинули Трои. Истории их возвращений вошли во множество сказаний, а главное – в «Одиссею». Жестокая победа и отсутствие уважения к троянским богам принесли победителям только страдания. Корабли их были разобщены насланными богами штормами. Источники повествуют об их скитаниях в Ахияве, на Крите, в Египте, других местах. Некоторым, как Менелаю и Одиссею, понадобилось целых десять лет, чтобы вернуться домой. Некоторые, подобно младшему вождю Мопсу, ушли в Анатолию и обосновались там. Кто-то занялся пиратством. Другие же, как Агамемнон, вернувшись, застали дворцовые перевороты и покушения. Агамемнона убила жена со своим любовником, принадлежавшим к другой ветви рода. Филоктет был изгнан из Фессалии. Лишь старый Нестор умер покойно – последнее звено, связующее с миром героев, золотым веком, разбитым вдребезги Троянской войной. Греческая традиция датирует крушение века героев одним или двумя поколениями после войны (восемьдесят лет, считал историк Фукидид) и рассказывает о «постоянных переселениях», борьбе различных группировок, масштабных миграциях – о героях Диомеде, Филоктете и Идомее, нашедших новые земли в Италии, на Сицилии и в западной Анатолии. В конце концов в Грецию хлынули грекоговорящие земледельцы с севера, дорийцы, их приход обозначил конец мира Агамемнона. В конце последовавших так называемых «темных веков» поэт Гесиод, оборотившись, взглянул на прошлое – на великие битвы, разрушившие героический век и уничтожившие «ту богоподобную расу героев», что жили между бронзовым веком и его, Гесиода, мрачным веком железа: «Бесчестная война и ужасный грохот битвы уничтожили их... когда война принесла их через моря огромный залив к Трое ради пышнокошой Елены».

Необыкновенна концовка этой легенды. Один из героев, Аякс Локридский, осквернил алтарь Афины в Трое во время разграбления – разбил статую богини – и навлек на себя ее

великий гнев. Вера в это предание была столь сильна среди населения Локриды, что приблизительно с 700 г. до н. э. они каждый год отправляли своих лучших дочерей для служения богине в ее храме в Трое. Терпеливо переносили девы оскорбления, рисковали жизнью, лишь бы искупить грех предка. Некоторые, а вначале, может быть, и все, оставались там до старости, убирая прилегающую к храму территорию, стриженные, босые, лишённые свободы, в крайней нищете. Обычай сохранялся до I в. н. э. – удивительное свидетельство могущества легенды в эллинском обществе.

История или выдумка? Точка зрения древних

Часто говорят, что греки были первым народом, который стал рассматривать события прошлого на научный манер, но очевидно, что история была куда больше сохранена так называемыми варварами, чем самими греками... Египтяне, вавилоняне и финикийцы, по общему признанию, сохранили подробные изложения самых древних и устойчивых преданий человечества.

Иосиф Флавий. «Иудейские древности»

В древнем мире бытовало почти непререкаемое мнение, что Троянская война – историческое событие; философ Анаксагор был одним из немногих, кто сомневался в этом на основании отсутствия *доказательств*. Тогда, как и сейчас, все знали, что первоисточников, свидетельствующих о войне, нет, и в то же время *знали*, что она произошла! Парадокс в историографии. Когда «отец истории» Геродот, живший в V в. до н. э., спрашивал египетских жрецов о правдивости греческой легенды, то он просто осведомлялся, имеют ли они какие-либо другие записи о ней, поскольку *письменных* источников, предшествующих записям сказаний Гомера, что случилось, вероятно, лишь в конце VI в. до н. э., нет. У историков V в. до н. э. вообще не было документальных источников. Любопытно, что все они выражали полное доверие основным моментам сказания Гомера. Кроме Гомера, изумительное резюме «доисторической» Греции составил Фукидид (около 400 г. до н. э.). Это одно из наиболее сбалансированных и правдоподобных повествований о том, как могла начаться война, хотя мы и не можем знать точно, что подсказала ему интуиция на основе «археологических» изысканий и выводов из гомеровской поэмы, что он почерпнул из неизвестных нам источников (большинство специалистов исключает последнюю возможность). В любом случае, Фукидид считал, что сказание о Троянской войне правдиво, а «имперская» власть Микен была реальностью:

У нас нет записей о каких-либо действиях, предпринятых Элладой как целым, до Троянской войны. На мой взгляд, в то время вся страна еще даже не называлась Элладой... Лучшее свидетельство тому можно найти у Гомера, который, хотя и родился намного позже времен Троянской войны, нигде не использует название «эллинская» для всей армии.

Фукидид рассматривает возросшие познания в морском деле у ахейцев, появление «капитальных резервов», постепенное строительство городов, защищенных стенами, накопление богатств, налаженную жизнь. Все эти факты он считает предпосылками для совместного похода, который описывает Гомер:

Кто-то, пользуясь мощью своих новых богатств, строил стены вокруг своих городов, более слабые смирились с покровительством более сильных, а те, кто добился высшей власти, обретя важнейшие средства, взяли меньшие города под свой контроль. Эллада уже развилась так, когда был совершен поход на Трою. Агамемнон, как кажется, должен был являться наиболее могущественным из правителей тех дней: вот почему он смог поднять армию против Трои... в то время он имел сильнейший флот; так, по моему мнению, страх сыграл большую роль, чем верность, в организации экспедиции против Трои. Микены, несомненно, были небольшим поселением, и многие города того периода не кажутся нам сегодня особо впечатляющими. И все же это не достаточное основание для того, чтобы отбрасывать то, что поэты и общая традиция говорят о размере экспедиции... поэтому у нас нет права судить

о городах более по их облику чем по их реальной мощи, и нет причин, по которым мы не должны верить, что Троянский поход был величайшим из всех, когда-либо случившихся.

Так писал Фукидид в V в. до н. э., то есть столь же удаленный по времени от легендарной даты разграбления Трои, как подписание Великой хартии вольностей Средних веков отстоит от наших дней. Нужно, однако, сказать, что ничто в его интерпретации событий не опровергнуто современной археологией и анализом текстов. Такая трактовка по-прежнему остается *правдоподобной* моделью, несмотря на то что многие ученые сегодня сомневаются в существовании Микенской «империи», Троянской войны и даже самой Трои. Правдоподобной, но все еще недоказанной.

Как древние создавали хронологию своего «доисторического» прошлого? Как они установили дату Троянской войны? В античной Греции подробная хронология начиналась с первой Олимпиады 776 г. до н. э. Эта дата, как мы знаем, довольно точно соответствует принятию греками алфавита. Поэтому мы вправе думать, что принятие исторической хронологии произошло одновременно с появлением письменных записей. Как следствие, великая «История Греции» Джорджа Грота, написанная в 1840-1850-х гг., также начинается с первой Олимпиады. Остальное Гроту недоступно – археология еще «не прорубила окно» в древнюю историю. Однако Грот признавал, что у древних греков было много легенд, преданий, генеалогий и т. д., связанных с доантичным миром, и что греки считали их связанными с реальными событиями в такой же мере, как думал о них Гомер. То были «общие предания», упоминавшиеся Фукидидом, и сохранялись они в устной форме. Они часто содержали подробные хронологические связи: всякий, к примеру, «знал», что разграбление Фив случилось до Троянской войны, что Троянская война предшествовала вторжению дорийцев в Грецию и так далее. Еще до Геродота историки пытались составить хронологию этих событий. Позднее Диодор Сицилийский скажет, как мучительно писать труд о «доисторических временах», поскольку сложно найти надежный набор дат, относящихся к периоду до Троянской войны. Фукидид также ограничился общим предположением, что до эпохи доминирования Микен критяне из Кносса обладали гегемонией в Эгейском мире. Что касается собственно даты войны, то большинство вычислений колеблется в пределах между 1250 г. до н. э. у Геродота и 1135 г. до н. э. у Эфора. Самую раннюю, 1334 г. до н. э., дает Дурис Самосский, наиболее авторитетно указание александрийского библиотекаря Эратосфена (1184–1183 гг. до н. э.). Даты, обозначенные как «за столько до первой Олимпиады», рассчитывались по генеалогиям, с сопоставлением продолжительности жизни поколений, особенно старых дорийских царских фамилий в Спарте. Насколько точны могут оказаться такие записи, показывает найденный в маленькой деревенской церкви на Хиосе семейный могильный камень, где перечислены имена 14 поколений, уводящие нас от V в. до н. э. в X в. до н. э. По крайней мере, есть *вероятность* того, что такие материалы могут сохраняться на протяжении веков.

Самое точное датирование Троянской войны обнаружено на Паросском мраморе – хронике событий, воображаемых или реальных, рассчитанной по легендарным генеалогиям афинских царей, уходящим до середины III в. до н. э. Высеченная на огромном куске мрамора с острова Парос, она была куплена в Смирне английским послом короля Карла I при османском дворе и вывезена в Англию, где стала частью коллекции графа Арунделя. Мрамор повредили во время гражданской войны, тогда и была утрачена доисторическая часть, но, к счастью, антиквар Джон Селден успел сделать копию. Таким образом, мы знаем, что хроники датируют зарождение культа Элевсина началом XIV в. до н. э., разграбление Фив – 1251 г., основание Саламина на Кипре – 1202 г., первые греческие поселения в Ионии – 1087 г., гомеровский *floruit* – 907 г., а разграбление Трои – 5 июня 1209 г. до н. э.! К сожалению, интригующая точность в определении месяца и дня появилась вследствие астрономических расчетов, опиравшихся на неверное толкование строки из «Малой Илиады»: «была полночь и поднялась яркая

луна». Что было истолковано как полнолуние, а ближайшее к полуночи полнолуние происходит в последнем лунном месяце перед летним солнцестоянием!³

Из всего этого становится ясно, что заметки иудейского историка Иосифа Флавия о греческой историографии, написанные в I в. н. э., были верны: древние греки не имели надежного источника сведений о своем доисторическом прошлом. Устные предания, особенно в передаче Гомера, – вот и все, на что они могли опираться, и, как отмечает Иосиф Флавий в предисловии к своей «Иудейской войне», «слишком поздно и с трудом, они пришли к буквам, которыми пользуются сейчас». В «археологии» греки тоже слабо ощущали прошлое: «Что касается тех мест, где они обитают, то десятки тысяч разрушений случались там, которые стерли память о прошлых деяниях, так что они каждый раз начинали жить заново». В древнем мире, конечно, велись «археологические» раскопки – люди всегда искали «остатки», и они знали названия городов, пославших, по словам Гомера, войска в Троию. В таких местах в VIII–VII вв. до н. э. находили много микенских могил, которые связывали с гомеровским веком героев, и потому там оставляли приношения; такой обычай сохранялся и в античные времена. Но то, как интерпретировались подобные находки, показывает: у древних не было понятия того, что мы теперь называем историей бронзового века. Проблема историчности Троянской войны не изменилась со времен Фукидида: Гомер и мифы излагают определенные события; названные места существовали, существуют и сейчас, некоторые из них когда-то явно обладали могуществом, иные были малозначащими; в центре других мифов тоже поселения бронзового века – Немея, Иолк, Фивы. Если, как считал Фукидид, греческие мифы действительно основаны на реальной истории бронзового века, то как мы можем это доказать? Последние 100 лет новая наука, археология, пыталась ответить на эти вопросы. Но прежде чем мы обратимся к этим попыткам, надо понять, *почему* сказание о Трое так захватило воображение людей нашей культуры и сама археология не избежала того. Уже при Фукидиде предание о Трое было великим национальным мифом Греции, но что это по сравнению с произошедшим с ним за последующие две с половиной тысячи лет?

³ Лат. слово, используемое для обозначения периода деятельности, когда даты рождения и смерти неизвестны. – *Прим. перев.*

«Паломники» древнего мира

Такой была сила этого мифа, что целая процессия завоевателей почувствовала необходимость поглазеть на поле, где сражались Ахилл и Гектор. К тому времени на Гиссарлыке, на заросших развалинах, была основана небольшая греческая колония. Согласно преданию, именно здесь шла Троянская война, и с верой в это колонисты около 700 г. до н. э. назвали свое поселение Илионом. Геродот рассказывает: когда персидский царь Ксеркс в 480 г. до н. э. раздумывал, пересекать ли ему Геллеспонт на пути из Азии в Европу,

то у него возникло сильное желание увидеть Трою. Он вошел в цитадель [имеется в виду город Илион] и, осмотревшись и выслушав местных жителей, пожертвовал тысячу быков троянской Афине, а маги совершили возлияния в честь великих людей прошлого.

Сто пятьдесят лет спустя, пересекая Дарданеллы из Европы в Азию, Александр Македонский, легко поддающийся внушению, возможно, вообразил себя одним из героев Троянской войны. Александр был очарован миром богов и героев, какими их изображал его любимый Гомер (он всегда носил «Илиаду» с собой и клал под подушку, ложась спать). Направляя флотилию к Троаде, Александр посередине пролива принес жертву Посейдону (столь враждебному грекам в Троянской войне) и был первым, кто прыгнул на троянский берег, вонзив в землю копье, чтобы придать силу своему заявлению, что Азия – его, она «завоевана копьем» и «дарована богами». Затем, взойдя на стены Илиона, посвятил свои доспехи Афине Троянской и взял из ее храма старинное оружие и щит, которые (как утверждалось) сохранились с Троянской войны. Покинув Трою, он возложил венок на могилу Ахилла, «назвав его счастливым человеком, которого воспел Гомер, дабы превознести его деяния и сохранить память о нем».

Преемники Александра обнесли маленький Илион городской стеной, хотя он и не мог состязаться с Александрией Троадской, основанной на берегу моря. Во времена Римской империи городок, ныне известный как Илион, был наполовину заброшен. Но появился человек, почитавший гомеровский «священный Илион». Юлий Цезарь, точно так же, как Александр, веривший в свое происхождение от греческого героя Ахилла, своим предком называл троянца Энея и, согласно «Фарсалии» Лукана, написанной в I в. н. э., удостоил посещением мыс Сигейон и реку Симоис, «где пало так много героев» и где теперь «нет камней безымянных». «Он шел вокруг того, что было Троей, от которой осталось лишь имя, и искал следы великой стены, построенной богом Аполлоном. Но нашел только холм, покрытый колючим кустарником и сгнившими деревьями, чьи старые корни вплетались в фундамент». («Будь осторожен, как бы тебе не наступить на дух Гектора», – предупредил его местный житель). Но «даже руины были уничтожены». Разочарование Цезаря испытают многие исследователи, которые придут сюда после него! Лукан пользуется случаем поразмышлять о бессмертии, даруемом поэтами тем, кто страдает манией величия: «Все же Цезарю не было нужды завидовать героям, которых обессмертил Гомер, потому что если у латинской поэзии есть какое-то будущее, то поэму Лукана будут помнить столь же долго, как и гомеровские». Последующие поколения, к счастью, не были об этой поэме столь высокого мнения, как сам автор, но в ней содержится обещание Цезаря перестроить Трою под Римскую столицу, о чем Гораций говорил в своих «Одах»: «... возвести новую крышу над домом предков».

Заигрывания Рима с Троей достигли своего апофеоза в «Энеиде» Вергилия, написанной в 30–19 гг. до н. э., где вновь провозглашено происхождение римлян от Энея и троянцев. Заигрывания имели странные последствия в IV в., когда Константин Великий попытался основать новую столицу Римской империи возле Трои на Сигейонской гряде, прежде чем обратил внимание на Константинополь. Как рассказывали, ворота города, до сих пор именуемого Енисе-

хир («Новый Город»), спустя столетие после смерти Константина были видны мореплавателям, приближавшимся к Дарданеллам, а остатки стен видели путешественники и елизаветинских времен. Сегодня от города ничего не осталось. Место это столь же богато естественными красотами, как Константинополь, и было более удобным. Причина, по которой оно было покинуто после возведения огромных зданий, проста: к тому времени большая бухта, являвшаяся фактором существования Трои на протяжении более 3000 лет, заилилась, обмелела, и Троя лишилась гавани.

Последний сюжет о Трое античного периода основан на письме императора Юлиана, написанном до его восхождения на трон. Как известно, Юлиан поклонялся языческому пантеону, несмотря на то что его дядя, Константин, в начале века принял христианство как официальную государственную религию. Юлиан питал надежду, что от ненавистного «галилеянина» (как он называл Иисуса), в конце концов, отвернутся. И чтобы это ускорить, готовился предпринять определенные меры, когда станет императором.

Зимой 355 г. корабль Юлиана вошел в гавань Александрии Троадской напротив Тенедоса. Будучи пылким эллинистом, «влюбленным до безумия в Гомера», Юлиан воспользовался возможностью посетить Трою, Новый Илион, хотя друзья мрачно предсказывали ему, что он найдет храм, оскверненный христианами, и изгаженную могилу Ахилла. В склепе Гектора Юлиан с удивлением обнаружил горящий огонь в алтаре и культовую статую, блестящую от помазаний. «Что это? Разве жители Илиона по-прежнему совершают жертвоприношения?» – спросил он христианского епископа. Тот ответил: «Почему тебя удивляет то, что они выказывают почтение своим выдающимся согражданам так же, как мы выказываем его нашим мученикам?» Пройшли в храм Афины, и вновь Юлиан увидел приношения. Он отметил, что епископ не положил крестного знамения, которое христиане кладут «на свои нечестивые лбы», и не прошипел сквозь зубы, отгоняя злых духов, обитавших в подобных местах. Могила Ахилла также была нетронута. Скоро до Юлиана дошло, что епископ-то и поддерживает огонь в алтаре. Они обошли город и побеседовали о его древностях и былой славе, обмениваясь (кто бы подумал!) цитатами из Гомера. Когда Юлиан вернулся на корабль, им овладело чувство глубокого облегчения и едва сдерживаемой радости: старый мир был нетронут, память о нем жива, и соблюдались все обряды.

Конечно, старый мир близился к своему концу. Римская империя на западе была на грани распада, и новое поколение не находило нужной моральной поддержки в поэзии Гомера: *их* Библия была христианской. Юный Августин Гиппонский (будущий святой), родившийся в год путешествия Юлиана в Илион, признавался, что Гомер его утомляет (и в самом деле, он так и не побеспокоился выучить греческий язык): в христианском северо-африканском Тагасте в IV в. эллинизм явно уходил со сцены. Христианский отец Василий, старший современник Августина, сомневался, была ли вообще Троянская война. Может, это просто языческие сказки? В Византии V в. еще сохранились, конечно, ученые гомеровской школы, но их исследования были устремлены в новом направлении: императрица Евдоксия, жена Феодосия II, например, писала «Жизнь Иисуса» гомеровским стихом!

Бросить прощальный взгляд на необычайную привлекательность Гомера для античных представлений, удерживавшуюся в течение тысячи лет, нам позволяет последнее замечательное свидетельство цивилизованного эллинизма – «Сатурналия» Макробия (начало V в. н. э.), где изображены римляне, знающие аттический греческий язык и проводящие обед за обсуждением параллелей между интерпретацией истории Трои у Гомера и Вергилия. До самого конца интеллигенция и политическая элита древнего мира жили Гомером: участники обеда у Макробия читали наизусть огромные куски из поэм.

Раннее Средневековье предложило строгую диету христианских толкований, отвергавших Гомера как дьявольский соблазн. На православном Востоке Византия (христианская империя) была врагом эллинизма и относила Гомера к язычеству с его многобожием. На

Западе почти исчезло знание греческого языка, и лишь в XIX в. вернулось подобие того фанатичного внедрения Гомера в культуру, которое одобрили бы Юлиан и Макробий. Но интерес к истории Трои, в какой бы форме ни проявлялся, не затухал никогда.

Как передавалась легенда – от саксонских преданий и тюдорского мифа до поэтов времен Первой мировой войны

За 430 зим до основания Рима [т. е. в 1183 г. до н. э.] случилось так, что Александр, сын Приама, царя бурха [burch], похитил Елену, жену царя Менелая, из Лакедемонии, греческого города. Из-за нее и началась великая и славная война между греками и троянцами. У греков была тысяча кораблей, таких, которые мы называем большими и длинными, и воины дали клятву друг другу, что не вернуться на родную землю, пока не отомстят за обман. И десять лет осаждали город и сражались вокруг него. Кто скажет, сколько было убито с каждой стороны, о ком бард Гомер рассказал! Нет нужды рассказывать эту историю, говорит Орозий, потому что она длинная и, в любом случае, всякий ее знает. Если же кто пожелает узнать подробнее о том, какое творилось зло и сколь многие погибли в битвах, от голода, кораблекрушений и различных злодеяний, пусть обратится к его книгам. И подумает о тех временах и о нынешних, когда жизнь так прекрасна!

Англо-саксонский рассказ о Троянской войне, из перевода Орозия, сделанного им около 895 г. в кругу Альфреда Великого

История Трои не теряла своей привлекательности в течение тысячелетия – со времени падения Рима до Возрождения. Она восхищала танов Альфреда Великого, собиравшихся у каминов Уэссекса эпохи викингов, и с добавлением любовной интриги была излюбленным сказом в аристократических салонах Европы XII в. Именно в то время просторечная поэтическая версия была создана Бенуа де Сен-Мором, англо-норманским трубадуром при дворе Генриха II («Roman de Troie», около 1160 г.). Предание смешалось с рыцарским миром – миром *vallants chevaliers* и *bons vassaux*. Между прочим, переменчивая Брисеида Бенуа стала моделью для «неверной Крессиды» Шекспира благодаря английскому переводу Какстона «Recuyell of the Historyes of Troye» (около 1475 г.) – прозаической версии поэмы Бенуа, сделанной на основе французского варианта Рауля ле Февра. Бенуа, в свою очередь, при создании поэмы использовал поздние римские произведения Дареса и Диктиса. Одно якобы представляло собой перевод более старого, чем гомеровский, варианта «Илиады», другое полагали обнаруженным в Кноссе времен Нерона. Историографическим курьезом следует считать то, что эти собрания выдумок являлись тогда авторитетными источниками сведений о Троянской войне, собранных, как считали, подлинными очевидцами событий. Благодаря Вергилию многие народы Запада усмотрели свое происхождение от Энея и троянцев, избежавших ги⁴бели при взятии Трои и бежавших в Италию и дальше на запад. Странно, что именно в Британии троянская тема была особенно актуальна.

Незадолго до падения Рима историк Аммиан Марцеллин поведал, что беглые троянцы обосновались в Галлии (нынешняя Франция), и довольно скоро это утверждение стали использовать в политических целях. Около 550 г. н. э. в «Истории готов» Кассиодора было объявлено о троянском происхождении остготского короля Италии Теодориха. Франки придумали себе мифического предка, давшего их народу имя, – Франка Троянского. Поветрие достигло Британии. В Уэльсе эпохи «темных веков», как сообщает Ненний, распространились слухи, что основателем Британии был некто Брут, ведущий свой род от Ила, который «первым основал Илион, то есть Тройю». Их поддержал Джоффри Монмутский в своей повести о возникновении Лондона как *Troynovant*, Новой Трои. Хотя и отвергнутая историком Полидором Верги-

⁴ Смелых рыцарей и добрых вассалов (*фр.*).

лием, версия была принята как часть «тюдоровского мифа» и прочно вошла в образ мышления поэтов елизаветинских времен. Доказывалось, что Тюдоры имели валлийское или древнебританское происхождение, и когда взошли на английский трон после битвы у Босуорта в 1485 г., то, как гласил миф, древний трояно-британский монархический род вновь обрел имперскую власть и ввел нацию в золотой век. Соответственно, в год победы над Армадой появилась возможность приветствовать Елизавету как «сладостную частицу державы Приама, эту надежду на расцвет Трои», а на знаменитой картине 1569 г. в Хэмптон-корте она, а не Афина, Афродита или Гера, получает золотое яблоко на суде Париса! Когда в шекспировском «Генрихе V» Пистоль говорит валлийцу Флюэллену: «Base Trojan, thou shalt die», то он полагает, что публика знакома с древним сказанием. Еще одно забавное эхо легенды о Трое!⁵

Место, которое легенда о Трое занимала в «тюдоровском мифе», способно, видимо, объяснить количество переводов «Илиады» в Англии в XVI в., когда оригинальный текст изучали по ранним рукописям. Версия Холла из 10 книг появилась в 1581 г., знаменитый перевод Чепмена – в 1598 г. Интересно, что при этом оставался популярным какстоновский «Rescuell», выдержавший до 1600 г. пять изданий. Им пользовался Шекспир как источником «Троила и Крессиды», и спрос на него сохранялся вплоть до Попа. Труды Чепмена и Попа всегда рассматривались как величайшие английские переводы Гомера. Перевод Попа и сейчас остается классическим («... Никакая эпоха или нация ему не противопоставят равного», – сказал Сэмюел Джонсон, на что ученый Ричард Бентли заявил: «... чудесная поэма, но не следует называть ее гомеровской»).

⁵ «Подлый троянец, ты должен умереть» (англ.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.